

Блокада Ленинграда: власти и граждане

18 января 1943-го было прорвано кольцо нацистов вокруг героического города. Но это был еще не конец блокады. Окончательно отогнали врага от Северной столицы только 27 января 1944-го.

Удивительно, но о том, как действовали руководители Ленинграда в эти трагические дни, известно не так уж и много. Сейчас историки восполняют этот пробел. Рассказывает к. и. н., руководитель лаборатории «История блокады Ленинграда» СПб ИИ РАН Кирилл БОЛДОВСКИЙ (на фото справа).

Кузнецов и Жданов

– Руководили в блокаде три органа – Военный совет Ленинградского фронта, бюро горкома партии (ЛГК) и Ленгорисполком. Текущие и срочные вопросы решали «узкие» комиссии, созданные лишь для предварительного обсуждения. Но вскоре решения этих «руководящих пятярок» принимались на ЛГК без каких-либо поправок.

Повседневной жизнью города фактически управлял второй секретарь ЛГК Алексей Кузнецов. Это, кстати, видно и по документам. К примеру, из 145 постановлений бюро ЛГК, принятых с 6 сентября по 31 октября 1941-го, Жданов подписал всего четыре. Так продолжалось и дальше.

Известен и такой факт: после войны на праздничном банкете к Жданову и Кузнецову подошел секретарь райкома Алексей Григорьев и сказал: «Мы вас уважаем, Андрей Александрович, но все-таки в блокаде мы больше работали с Алексеем Александровичем». Жданов промолчал...

Впрочем, с Кузнецовым они не конфликтовали. Даже несмотря на то, что Сталин рассматривал его как преемника Жданова. Так, в конце августа – начале сентября 1941-го у Жданова был внутренний кризис, а в Ленинград приехали высокие чины из Москвы – для подготовки плана взрыва объектов в городе на случай, если немцы смогут прорвать оборону. Такой возможности не исключали. Тогда-то Кузнецову и доставили личную записку Сталина. Мы знаем о ней из описаний очевидцев. Там рукой вождя было написано что-то по поводу Жданова (типа потерял контроль и т.п.), а потом такие слова: «Алеша, спасай город, родина тебя не забудет». Рассказывают, что эту записку Кузнецов все время носил в нагрудном кармане и часто показывал ближайшим коллегам.

Впрочем, такое отношение Сталина его не спасло – в 1949-м он стал фигурантом «Ленинградского дела».

«Вот-вот наши войска прорвут блокаду...»

– С такой мыслью жили и жители, и управленцы города. Сейчас легко делать выводы: что руководители делали правильно, а что – нет. Например, в первые месяцы блокады все силы были брошены на промышленность. Иногда привлекали некомпетентных специалистов. Чего стоит разработка «сухопутных торпед», к примеру.

Никто ведь и предположить не мог, что блокада продлится 872 дня. Есть подтверждения того, что власти города были уверены: вот-вот наши прорвут кольцо. Например, постановление Ленинградского фронта от января 1942-го. Касается сугубо частных вопросов – куда и как переместить одну из пограничных частей для охраны тыла. И вдруг в документе: а после снятия блокады – переместить ее туда-то. И таких свидетельств много.

Но первая, самая страшная блокадная зима показала всю тяжесть ситуации – осень была упущена для создания системы доставки и распределения ресурсов. В декабре 1941-го муки в Ленинграде, по подсчетам разных ведомств, оставалось на 4–6 дней. Количество умерших жителей ужасает...

И власти занялись поддержкой людей. Но не все выходило гладко. В апреле 1942 г. Кузнецов рассказал о возникших проблемах: «Никто нам пока еще членораздельно не сказал, что требуется для этих ослабевших людей: требуется ли сразу усиленное питание или нет. Мы пробовали экспериментировать, но ничего не получи-

лось – организм не переваривает пищи и человек умирает. <...> Это в частности очень беспокоит Андрея Александровича, он прямо бесится от того, что никто не предлагает, как поступить» (имя Жданова многие партработники нередко употребляли для усиления эффекта своих слов). К весне 1942-го врачи научились выхаживать истощенных людей.

Кстати, были инициативы и снизу. Так, в декабре 1941-го на заводах Кировского района рабочие предложили устраивать стационары для ослабевших, и в начале января 1942-го они уже были созданы в городе. Ведь факторы, которые приводили к смертности, были связаны не только с голодом. Отсутствие отопления, воды, электричества, транспорта, морозы – все это усугубляло слабость людей. У нас есть хороший музей – «Нарвская застава», сотрудники которого по дневникам и воспоминаниям блокадников создали маршруты людей – как они ходили на работу. Представьте ослабленного человека, который идет зимой пешком 12 км в один конец! При этом сугробы в рост человека, между ними – узенькая обледенелая тропинка, на которой двое не разойдутся...

Зимой – весной 1942-го начали активно налаживать каналы сообщения с «большой землей». Скажем, Дорога жизни по Ладожскому озеру. Можно ли было подумать о надежной связи с «материком» в начале осени 1941-го? Наверное, да. Если бы власти сосредоточили на этом внимание.

Мало кто знает, что по Дороге жизни не только привозили все

необходимое в город и вывозили оттуда людей, но в 1942-м на Ленинградский фронт завезли более 200 тыс. красноармейцев!

Пайки

– Сегодня часто обсуждают, насколько лучше обычных граждан жила номенклатура во время блокады. Конечно, лучше. Вопрос, насколько.

Андрей Жданов

Продовольствие распределял военный совет Ленинградского фронта: городу, районам области, фронту, Балтфлоту. Внутри каждого из этих субъектов существовали свои нормы. В армии – генеральский состав, старшие офицеры и т.д. Аналогично в городе.

Если брать партноменклатуру высшего и среднего звена, получится, что их в городе было порядка 2500 человек. Когда происходило снижение пайка хлеба на 5 граммов, их это тоже касалось. Но для иждивенца убрать 5 г из пайка гораздо более существенно, чем для партработника.

Такая разнообразная система норм существовала до лета 1943-го, потом по всей стране, в том числе и в блокадном Ленинграде, провели стандартизацию, осталось три категории руководителей, и было четко прописано: кому какой дополнительный паек положен.

► вы это знали?

– Еще во время блокады в Ленинграде переименовали площадь Урицкого в Дворцовую, а проспект 25 Октября – в Невский проспект, – рассказывает Болдовский. – Многие думают, что это сделал Жданов. Но мы нашли документы, показывающие: решение принял Сталин. А реализовывал его Кузнецов. Жданов же испугался (как же – убрать революционные названия и вернуть царские!) и отказался подписывать постановление. Более того, он настоял на том, чтобы получить письменное согласие вождя. Из-за его опасений переименование случилось в январе 1944-го, хотя могло произойти еще в октябре 1943-го.

Неожиданный ракурс

– Нередко Кузнецов повторял, что на бюро ЛГК они «в своем кругу». И не все, что попадало в стенограмму, появлялось потом в протоколе. Иногда он неофициально доводил до бюро новые политические установки. Например, вот такую, неожиданную для многих: «У нас имеется большое количество фактов, когда люди необоснованно привлекаются к уголовной ответственности. <...> У нас явный перегиб в городе с привлечением к административной ответственности. <...> До чего доходит: работница получает 200 рублей зарплаты, ее штрафуют на 100–200 рублей. <...> Одно время у нас за что судили? Какой-нибудь старик расстроился, выругал потихоньку советскую власть, мы судим его, в тюрьму сажаем по статье 58–10. Может быть его не судить надо, а взять и предупредить?»

Поддержать авторитет

– После относительной стабилизации в городе в 1943-м на первый план вышли проблемы дисциплины руководителей. Приведу выдержки из стенограммы бюро ЛГК, слова Кузнецова: «В связи ли с тем, что трудности, которые переживал Ленинград, мы изжили, <...> то ли в связи с прорывом блокады, но я должен прямо сказать, что среди наших руководителей, и партийных, и хозяйственных, появилось стремление как бы побыстрее перейти к мирному, довоенному образу жизни. <...> Мы имеем целый ряд фактов, говорящих о систематическом пьянстве, о бытовой распущенности, о сожительстве целого ряда руководящих работников <...>. Если про вас узнают трудящиеся, что вы пьянствуете систематически, сожительством занимаетесь, как вы думаете, не будет вас это порочить? Будет. Каленым железом выжигать эту распущенность, благодущие, все, что связано со стремлением мирно жить. <...> Нельзя забывать, что враг под Ленинградом, блокада не снята».

/Елена Скворцова. Фото на полосу: «Гусский взгляд»